

Information about the author

Lyubov M. Mosolova, Doctor of Art History, Professor of the Department of Theory and History of Culture, Herzen State Pedagogical University of Russia (48, Moika emb. St. Petersburg, 191186, Russia)

Статья поступила в редакцию / The article was submitted	03.08.2024
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing	22.08.2024
Принята к публикации / Accepted for publication	02.09.2024

Научная статья / Article

УДК 398.61

<https://doi.org/10.34130/2233-1277-2024-3-125>

Репрезентация и трансформация образа рыбы в якутской культуре

Ульяна Петровна Суздалова^{1,2}

¹Санкт-Петербургский государственный институт культуры

²Музей Анны Ахматовой в Фонтанном доме, Санкт-Петербург, Россия
upsuzdalova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7529-7385>

Аннотация. *Статья посвящена изучению семантики образа рыбы в культуре якутов. Рыболовная деятельность была не только важным источником пищи, но и существенно влияла на формирование и развитие представлений якутов об окружающем мире. В связи с этим сложились уникальные рыболовные традиции, а образ рыбы стал частью зооморфного кода якутской культуры. Однако изучение знаковых аспектов образа рыбы в культуре саха носит преимущественно отраслевой и фрагментарный характер. Указанное обстоятельство ставит задачу комплексного междисциплинарного исследования указанного феномена с целью систематизации его семантических свойств.*

В статье рассматривается богатый спектр смысловых коннотаций образа рыбы как существа-земледержца; персонажа, связанного с потусторонним миром; элемента шаманских практик; символа смерти; препятствия, обеспечивающего переход из одного мира в другой; символа плодородия; существа, связанного с духом воды и хозяином водоемов; символа богатства; родового тотема. Обзор представленных значений осуществля-

ется на богатом фольклорно-эпическом материале. Отдельное внимание уделяется проявлению семантики образа рыбы на современном этапе развития культуры якутов на примере геральдики, эмблематики и дизайна.

Ключевые слова: традиционная культура якутов, картина мира, эпос, зооморфный код, образ рыбы, шаманские практики

Для цитирования: Суздалова У. П. Репрезентация и трансформация образа рыбы в якутской культуре // Человек. Культура. Образование. 2024. № 3. С. 125–146. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2024-3-125>

Representation and Transformation of the Image of Fish in the Yakut Culture

Ulyana P. Suzdalova

¹St. Petersburg State Institute of Culture

²Anna Akhmatova Museum in the Fountain House, St. Petersburg, Russia
upsuzdalova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7529-7385>

Abstract. *The article is devoted to the study of the semantics of the image of fish in the culture of the Yakuts. Fishing was not only an important source of food, but also significantly influenced the formation and development of Yakut ideas about the world around them. In this regard, unique fishing traditions have developed, and the image of fish has become part of the zoomorphic code of the Yakut culture. However, the study of the iconic aspects of the image of fish in the Sakha culture is mainly sectoral and fragmentary. This circumstance poses the task of a comprehensive, interdisciplinary study of this phenomenon in order to systematize its semantic properties.*

The article examines a rich range of semantic connotations of the image of a fish as: a creature-farmer; a character associated with the other world; as an element of shamanic practices; a symbol of death; an obstacle ensuring the transition from one world to another; a symbol of fertility; as a creature associated with the spirit of water and the owner of reservoirs; a symbol of wealth; a generic totem. The review of the presented meanings is based on rich folklore and epic material. Special attention is paid to the manifestation of the semantics of the fish image at the present stage of the development of Yakut culture on the example of heraldry, emblems and design.

Keywords: traditional Yakut culture, worldview, epic, zoomorphic code, fish image, shamanic practices

For citation: Suzdalova U. P. Representation and Transformation of the Image of Fish in the Yakut Culture. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie = Human. Culture. Education.* 2024; 3: 125–146. (In Russ.) <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2024-3-125>

Введение. Уже на ранних этапах культурогенеза животные вызвали повышенный интерес со стороны человека. Не случайно практически во всех мифах народов мира присутствуют животные [1, с. 3]. Звери, на которых охотились или которых разводили, отождествлялись с различными явлениями, стихиями и другими, порой сверхъестественными, аспектами бытия. Животный мир воспринимался в сложном единстве реальных и вымышленных сторон, так раскрывалась «связь и смысл существующего не только в сфере земного эмпирического сознания, но и в сферах иных» [2, с. 58].

В традиционной культуре якутов существуют различные образы живых существ, участвующих в формировании мифорелигиозной картины мира. Одним из таких существ является рыба. Она — важнейшая часть рациона и хозяйственной деятельности якутского этноса. Среда обитания рыбы и ее способности: жаберное дыхание, ловкость, изворотливость — все это давало достаточно оснований для особого отношения к данному образу.

Образ рыбы издревле фигурирует во многих культурах. Например, в иранских космогонических мифах существует чудесная рыбка Кара, которая плавает в озере Ворукаша и охраняет мировое дерево хом-хаома «от жаб и других гадов» [3, с. 462]. Рыба как мотив спасения от потопа наблюдается в образе огромной рыбы Гунь в древнекитайской мифологии [3, с. 281]. Также интерпретацию образа рыбы и рыболовства содержат христианские предания. Один из двенадцати апостолов Пётр занимался рыболовством до встречи с Христом. Здесь мотив ловли рыбы обретает сакральный смысл, смежаясь с архетипами воды и рыбы, важными для христианской символики [3, с. 439]. Таковы лишь немногие примеры использования образа рыбы в истории мировой культуры.

Как элемент «зооморфного кода» культуры образ рыбы обладает множеством значений, которые могут объединяться в комплексы, охватывающие различные сферы бытия. Во многих культурах семантика животных в системе мироздания связана с его трехъярусной интерпретацией. Верхний мир, как правило, связан с птицами, средний мир — с копытными существами и разными хищниками

ми. Нижний же мир связывался с образами рыб, земноводных, пресмыкающихся. При этом образ рыбы, обитающей внизу, наделялся как отрицательной, так и положительной коннотацией.

Методологическая и теоретическая основа исследования. Образ рыбы в культуре саха сложен и многогранен. В рамках разных наук, в частности в искусствоведении, фольклористике, этнографии и в других областях знания, накоплен опыт изучения данной проблематики, однако, как правило, он носит фрагментарный и отраслевой характер. В данной статье осуществляется попытка междисциплинарной генерализации заявленной темы в рамках культурологии, позволяющей выявлять и изучать сложные системные взаимосвязи между различными компонентами социокультурной реальности.

Основу исследования составил информационно-семиотический подход (в частности, работы С. Т. Махлиной), в контексте которого раскрывается значимость сложного мира знаков и символов, образующих семиосферу культуры на том или ином этапе ее генезиса. В статье прослеживается динамика формирования и усложнения образа рыбы в традиционной культуре якутов. Указанный аспект работы основан на применении культурогенетического подхода, разработчиками которого являются В. М. Массон, А. В. Бондарев и ряд других исследователей [4, с. 7–28].

Основная часть. Распространение образа рыбы в традиционной культуре якутов происходило в первую очередь по хозяйственно-экономическим причинам. Помимо животноводства и охоты, одним из важнейших занятий якутов являлась рыбалка, к которой они всегда относились с должным уважением. Рыбачили они зимой и летом. Среди якутов, не имевших ни копытного, ни рогатого скота, появилась социальная прослойка небогатых людей, питающихся исключительно мелкой рыбой, — их называли «балыксыт» (что означало «рыболов»). Данный термин этимологически восходит к корню «балык», т. е. рыба [5, ст. 359].

Образ рыбы, сформировавшийся во многом благодаря особенностям «месторазвития» и хозяйственной деятельности, получил многообразные семантические значения и занял достойное место в якутской культуре, выразившись в следующих коннотациях:

- существо-земледержец;
- потустороннее существо;
- элемент шаманских практик;

- символ смерти;
- препятствие, посредник между мирами;
- символ плодородия;
- атрибут духа воды;
- символ богатства;
- родовой тотем.

Говоря о семантике образа рыбы как существа-земледержца, отметим, что он фигурирует во многих фольклорных произведениях якутов. Сюжет из якутского эпоса, связанный с данной семантикой, содержится в олонхо сказителя Никиты Александрова (Ынта). В нем говорится, что вселенная основана на семидесяти китах, окладом служат восемьдесят белорыбиц, а мать-земля прикреплена к девяноста китам [6, с. 13].

В работе якутского фольклориста Н. В. Емельянова «Сюжеты якутских олонхо» приводится описание мира людей: «Восьмиободная, восьмикрайняя, изначальная мать-земля, предназначенная для жизни, со стороны из водной глубины, с окружностью из моря-трясины, с подпоркой из белорыбицы, с опорой из рыбы кит, с застешкой из рыбы осетр, с колышком из рыбы ерш, с балками из рыбы таймень, со столбами из рыбы сиг, с опорой из рыбы нерпа, — увеличиваясь, возрастая, стоит» [7, с. 319]. Показательно, что опорой земли служат образы, имеющие отношение к местной ихтиофауне.

Мотив опоры земли также встречается в эпосе «Кыыс Дэбилийэ», где гибельная скала стоит на девяти мифических рыбах-луо, обитателях нижнего мира, персонажи которого были, как правило, враждебны человеку. А верхние матицы скалы украшены тремя рыбами-луо [8, с. 213]. Под «рыбой-луо» подразумевается мифическая рыба смерти и несчастий, имеющая одну голову и два хвоста [9, с. 11]. Персонажи со словом «луо» в имени собственном, как правило, были главами нижнего мира. Иногда в эпических сказаниях рыба-луо выступает как ездовое животное чудовищ из нижнего яруса мироздания. Приведенный пример о рыбах, на которых лежит земля, дает возможность определить двойственность функций образа рыбы-луо: будучи персонажем нижнего мира, она не враждебна человеку и не всегда находится в оппозиции со средним миром.

Довольно интересный ракурс, выражающий глубокую мировоззренческую связь образа рыбы и земли, отражен в метафориче-

ском названии ящерицы на якутском языке — «тыа балыга» или «сир балыга», что означает «рыба земли» [5, ст. 359]. Отсюда произошло название урочища Хара Балык [5, ст. 358] в Олёкминском улусе, что означает «Черная Рыба».

Также образ рыбы тесно связан с потусторонним миром. Согласно одной из якутских легенд, содержащей в себе фольклорно-религиозные аспекты: «Бог стал создавать животных и растения. Дьявол, подражая ему, стал тоже создавать таковых. У бога выходило все полезное человеку, а у дьявола все вредное или бесполезное. Когда бог создал на земле и человека, дьявол сотворил рыб и стал хулить творения бога тем, что они не могут жить и пребывать в водной стихии. <...> Понимая, что людям и животным нельзя жить без воды, бог благословил воду и рыб, потому стало возможным человеку питаться рыбой» [10, с. 15]. В другой легенде говорится: «Когда бог, создавал мир, он создал и рыб. Сатана, подражая ему, стал тоже создавать рыб. Его рыбы имели темный покров, тогда как божьи рыбы имели светлый покров» [10, с. 71].

Согласно другому источнику, когда бог создавал рыб, он позабыл дать стерляди сердце. Тогда он взял у других рыб по кусочку сердца, собрал эти кусочки вместе и сделал из полученного комка сердце стерляди, потому у нее сердце и теперь состоит из кусочков. У камбалы половину съел бог и исцелил ее, потому камбала живет без половины. Про камбалу якуты говорят: «ньоуска хаата» — «подобна ложке», «танара сизэбит балыга» — «рыба, которую съел Бог» [10, с. 71].

Примечательно обстоятельство, согласно которому якуты считали, что у рыбы нет души, поэтому рыбу не приносили в жертву. Подобная жертва считалась бесполезной и даже оскорбительной [11, с. 53]. Вероятно, данное поверье относится к архаическим пластам якутской культуры, отразившись в том числе и в шаманских практиках.

Среди множества мистических образов, имеющих демоническую окраску, фигурируют таймени, сросшиеся хвостами, которые символизируют прорубь злых духов. Именно через это отверстие духи нижнего мира попадали в средний мир. Также вместо рыбы таймень может выступать образ налима, щуки или осетра [12, с. 7–8].

Имея тесную связь с потусторонним миром, образ рыбы стал элементом шаманских практик. Даже после распространения пра-

вославия среди якутов шаманизм не потерял своей актуальности. Шаманы врачевали, выпрашивали благо у духов, вступали в диалог с представителями преисподней, чтобы спасти человеческие души. При путешествии шамана в подземный мир употреблялись деревянные изображения в виде осётра или большой стерляди [13, ст. 3413]. В некоторых случаях шаманы использовали деревянные изображения рыб, соединенных хвостами и окрашенных охрой. Подобные предметы представлялись средством для взаимодействия с потусторонним миром.

По мнению С. М. Широкогорова, изображения животных, рыб и людей на шаманских ритуальных предметах служили вместилищами для духов [14, с. 79–80]. Так, о значении образа рыбы в шаманизме говорят и деревянные изображения щуки, в которые шаман вселял дух болезни [13, ст. 2284]. Это давало шаману возможность вызывать духов или локализовать их, так как, не имея фиксированного места, они могли вселяться в человека, следствием чего могло стать заболевание [14, с. 79–80].

В обязанности шамана входила функция обеспечения удачной охоты и рыбалки соплеменников. Рыба составляет исключительную часть питания якутов, особенно зимой. Камлание Уукуну производится при безрыбье и может происходить по коллективной просьбе нескольких домохозяев [15, с. 141]. Во время камлания шаман призывал: «Ну, господин Уукун, дай хотя бы одного золоточешуйчатого, с серебряными кольцевыми глазами, с мягкими шелковыми плавниками, с мягкими шелковыми растопыренными ножками, с решетчатыми костями, с беспорядочными [острыми] костями спины, с бисерной икрой, с пестрой кашкой, питающегося грязью, продолговатого вида, с глоткой на затылке карася!» И рыба будто бы появлялась в водоеме [15, с. 150–151].

С образом рыбы ассоциировалась часть шаманской души. В мифологии саха человек имеет три духовные сущности: мать-душа — знания, навыки, передающиеся от предков, воздух-душа, отвечающая за ментальную составляющую, и земля-душа — физическое здоровье. Согласно поверьям, земля-душа будущего шамана превращалась в рыбу и помещалась в запруде воды болезней, пока он воспитывался. При этом шаман болел без части своей души. Вода болезней находилась в нижнем мире и была переполнена рыбами, т. е. земля-душами различных шаманов. Рыба плавала в этой запруде и старалась перескочить через нее, если это случалось, шаман умирал

[15, с. 284]. По окончании срока «закалки» земля-душа «возвращалась» к больному и тот становился знаменитым шаманом [15, с. 284].

Кроме того, интересен сюжет, связанный с образом рыбы в шаманских практиках, согласно которому сильные шаманы, независимо от пола, на тридцать первом году жизни «беременеют» и «рожают» щуку (мужчины «рожают» через пуп), которая исчезает в воде [15, с. 45]. Шаманские «роды» связаны с возрождением следующего служителя традиционного культа. Рожденные шаманом существа внедряются в беременную женщину, которая родит будущего шамана [15, с. 292].

Образ рыбы в якутском шаманизме выступает в ипостаси шаманского духа-помощника. На рубеже XIX–XX веков в Якутии была известна шаманка Анна Павлова Алысардаах. Считалось, что она превращалась в окуня для «странствий» между мирами. Имя шаманки связано с этнокультурными аспектами, восходящими к фратрии рыбы: «Алысар» — от якутского «окунь». По сообщениям С. С. Ионова (Сэсэ), в 1888 году Анна вышла замуж за Николая Павлова — Сыгыннях-шамана. Вскоре молодая женщина забеременела и родила огромного окуня. Через два года Анна родила ворона [16, с. 174]. Позже шаманка рассказывала, что сын-ворон Кэкэ-Бука помогал ей при «полете», в поиске потерянных или краденых вещей. Алысардаах умела находить даже иголки. Дочка-окунь Алысар помогала матери, когда она при камлании спускалась в нижний мир [16, с. 177].

Образ рыбы фигурировал и в описании шаманского кафтана. Одевание шамана служило ему кольчугой или щитом против неприязненных духов [17, с. 557]. Необычность камлания усиливалась звоном колокольчиков, погремушек, металлических подвесок. Каждое изображение на этом плаще имело определенный смысл и было связано с тем или иным покровителем или духом [17, с. 558]. В материалах Э. К. Пекарского приводится старинная загадка о том, что существует некая большая нельма (белорыбица) с девятью звеньями [13, ст. 2866] (звонящими подвесками). Ответом на эту загадку является рыба, вырезанная из железной пластинки с головой, плавниками, хвостом и чешуей. Пластину с подвесками подвешивали на ремне сзади на шаманский костюм. Она служила приманкой духам, которые за нею бегают, стараясь поймать ее [18, ст. 358]. В трудах советского этнографа И. С. Гурвича дается следующее описание данной практики: «На подолшивали изображение рыбы.

Пластинка осмыслялась как алысар, т. е. окунь» [18, с. 218]. Также на спине шаманского кафтана, по сообщению Э. К. Пекарского, «имелись две железки». Примечательно, что одна из них, символизирувавшая хвост солнца, называлась «балык кысаан» (от слова «балык» — рыба [5, ст. 357], «кысаан» — железные полые трубочки) [19, с. 140]. По сообщению А. В. Алексеевой, подвески в виде рыб и проруби на шаманском костюме символизировали подземный мир [19, с. 140].

Образ рыбы также выступает как элемент шаманского гипноза, называемого в народе «завязывание глаз». Знаменитые шаманы внушали присутствующим, что юрта наводнена и заполнена карасями. Под воздействием гипноза мужчины принимались хватать карасей и чистить их от чешуи. Но оказывалось, в юрте нет ни рыб, ни воды [15, с. 45].

Связь с потусторонним миром и шаманизмом оказала значительное влияние на формирование в народной среде образа рыбы как символа смерти. Данную коннотацию иллюстрирует персонаж Ёлюю Джирибинэй — мифическая рыба, несущая смерть. От якутского «елюю» — смерть, «джирибинэй» — ловкий, юркий [8, с. 314]. Якуты верили в существование океана или моря смерти. В мифологических представлениях данное место находилось в нижнем мире или далеко на севере. В этом водоеме обитали души умерших и рыбы смерти. В материалах, собранных Э. К. Пекарским, говорится о щуке смерти с жабрами и чешуей в обратную сторону, с человеческой речью, которая обитает в темном туманном море [20, с. 291]. Кроме того, похожее описание дается в словаре данного исследователя: гибельная рыба, рыба смертного места, со спинными позвонками наизворот [5, ст. 358]. Еще одно упоминание данного персонажа характеризует его весьма фантастически: рыба нижнего мира со ртом под кадыком, с глазами на затылке [5, ст. 358]. Можно предположить, что данные демонические персонажи выступали в роли стражей вод смерти.

Символом смерти может выступать огромная щука, питающаяся разной живностью, приходившей на водопой. Данный персонаж фигурирует в сборнике легенд Багдарыны Сюлбэ. О прожорливой щуке говорили в двух улусах: Верхневилуйском и Кобяйском. В первом случае говорилось о том, что хищник водился в речке под названием Сордон Ымыйахта и однажды напал на кобылу. Местные жители знали об этом и говорили: «Щука забрала». Во втором случае, уже в Кобяйском улусе, дается описание хищной рыбы разме-

ром с лодку, которая утащила под воду коня. С тех пор озеро так и назвали — озеро щуки, стащившей коня [21, с. 94].

В заметках Э. К. Пекарского и Н. П. Попова «Среди якутов», собранных авторами в Первом Игидейском наслеге Ботурусского (ныне Чурапчинского) улуса в 80-х, 90-х годах XIX столетия, говорится о странной пойманной рыбе (щуке) с обратными жабрами и с идущими назад спинными позвонками. Полагая, что это, вероятно, рыба нижнего мира, якуты отпустили ее обратно в воду. По некоторым сведениям, озеро постепенно высохло и превратилось в лужу [22, с. 7–8].

В якутских мифах распространен сюжет, где главные герои оборачиваются рыбой для прохождения препятствия или перехода из одного мира в другой. Подобный оборот в якутской культуре часто связан с обрядом купания. Данное действие устанавливало искусственную границу между человеком и природой, оно отражало многие тотемистические и анимистические воззрения якутов, включая инициационные практики. Мирча Элиаде отмечал, что обряды посвящения были распространены повсеместно уже в первобытном мире в форме или посвящений взросления, или ритуалов вступления в «мужские союзы», или, наконец, испытаний посвящения, необходимых для осуществления мистического призвания [23, с. 319]. Подобные обряды сохранили значимость во многих традиционных культурах.

В эпических сказаниях якутов всегда побеждают богатыри племени айбы, проходя через героическое посвящение, которое акцентирует внимание на победу, достигнутую с помощью магических средств [24, с. 321]. Среди препятствий на пути богатырей встречается огненное море, которое находится в нижнем мире или внутри огромного змеевидного существа. Одним из главных элементов, обеспечивающим богатырю победу в данном испытании, является превращение в рыбу. Можно привести ряд примеров, касающихся данного магического перевоплощения. Так, поединок между богатырями Дыырай Бёгё и Арджамаан Джарджамааном ведется во всех трех мифологических мирах. Когда битва переходит в огненное море, один оборачивается железной гибель-рыбой, а другой тайменем [24, с. 70].

Среди многих вариантов оборотничества человек-рыба встречается нередко. Например, богатыри срединного мира совершают ритуальное купание в мифическом море, превратившись в щуку, тайменя. Это действие знаменовало очередной этап богатырской

закалки или переход главного героя в иной мир для совершения подвига. Также есть сюжет, где духу-хозяину Огненного моря в сети попадают богатыри в образе рыбы и он варит из них уху. Вскоре рыбы из котла исчезают, как бы испарившись. Старик догадывается, что это были не рыбы [7, с. 198]. Согласно другому сюжету, богатырь Нюргун Боотур окунулся в озеро Мертвая Вода, превратившись в железную щуку, и обрел бессмертие [7, с. 260]. Также известен сюжет, когда богатырь Эр Соготох переплыл Огненное море, обернувшись ершом [7, с. 104]. Кроме того, в якутском эпосе запечатлен сюжет о том, как богатырка Кыыйдааннаа Кыыс, обладающая магией оборотничества, превращается в окуня и борется с тайменем — духом нижнего мира [7, с. 68–69]. Данные примеры ярко иллюстрируют сопричастность образа рыбы якутской переходной обрядности.

Кроме того, образ рыбы выступает в якутской культуре как символ плодородия. Рыба во многих культурах предстает как богатый потомством персонаж. Такая семантика была связана с процессом икрометания, рождением множества мальков. В данном вопросе интересно обратиться к комплексу родильных обрядов якутов. Например, в XIX–XX веках, согласно этнографическим записям «Среди якутов», в качестве средства против послеродовых потуг использовалась горбуша. Повитуха клала рыбу под сено, на котором лежала роженица [22, с. 30]. У порога также клали горбушу и заставляли переступить порог роженицу, которая при этом не должна была знать о присутствии рыбы [22, с. 29]. Этот редкий обряд, связанный с сохранением способности продолжения рода, применялся в случае потери крови при родах. Предпринимавшиеся меры несли магический характер, направленный на защиту новорожденного и его матери от воздействия злых духов.

Семантика плодородия в образе рыбы находит свое генетическое продолжение в том, что данный образ выступает элементом сватовства. Во время смотрины девушку угощали карасями. То, как ела рыбу будущая невестка, говорило о ее чистоплотности. Жениха же проверяли, когда тот чистил сырую рыбу от чешуи, это помогало определить человеческие качества. Также существует ряд поверий о передаче свойств рыбы при поедании. Например, якуты старались не кормить маленьких детей языком карася, так как боялись, что у ребенка не будет развиваться речь. Также считали, что если беременная женщина будет есть голову речной рыбы, то у нее родится слюнявый ребенок [10, с. 68].

Образ рыбы тесно связан с духом воды и хозяином водоемов. Этнограф А. А. Попов называет духа воды Уукун (от якутского «уу» — «вода») и дает следующее его описание: с головы до ног одет в рыбы шкуры, имеет волчьи наколенники [15, с. 144]. В эпосе «Нюргун Боотур Стремительный» хозяина всех земных водоемов называют Едюгэт Боотур, который порождает сверкающие чешуей, рассекающие волны косяки рыбных пород. Его описывают как тучного старика, искрасна-черного на вид, с зеленой тинистой бородой. На плече он носит рыболовную сеть, за спиной берестяной кузов [25, с. 15]. У духа водоема гордый нрав, он может рассердиться на человека или на всю общину и лишит улова. Например: если по льду озера пойдет человек из дома, в котором недавно кто-то умер, то дух водоема лишит рыбы в тот год, а иногда и навсегда [10, с. 43]. В Таттинском улусе был случай, когда после смерти близкого родственника рыбак пошел к озеру и ему попался карась с окровавленными внутренностями (из личного архива У. П. Суздаловой, рассказчик И. А. Меккюсярова). Таким образом, согласно местным поверьям, дух озера решил проучить несправедного рыбака.

Также рыболовный промысел оказал большое влияние на формирование образа рыбы как символа богатства. Такая коннотация содержится в одной из якутских сказок, в которой говорится о старом рыбаке Соборотукаан (имя рыбака происходит от слова «собо» — «карась»), жившем на берегу огромного озера. Соборотукаан имел домик из тины и глины, семьдесят сетей, восемьдесят вершей, девять «морд» — предметов для ловли рыбы. Позвал его как-то царь и спросил, чем же Соборотукаан занимается. А тот ему и ответил: «В воде золото и серебро добываю». Обязал его царь платить оброк. На что Соборотукаан отправил государю несколько мешков серебра в виде озерной рыбы, золота — речной рыбы. По описаниям главный герой похож на духа озер и водоемов, который населяет реки и озера рыбой, распоряжается рыбным богатством, наделяет рыбаков уловом [26, с. 12].

Есть примеры, когда рыба в культуре якутов выступает как темный персонаж. В частности, в Кобяйском улусе в селах Кальвица и Куокуй карась является почитаемым родовым тотемом. Основная часть населения этих сел занимается рыболовством в озерах, речке Лунха и реке Лена. Изначальное название села Кальвица было Собосут — от якутского «ловец карася», «кормящийся карасём», в 1930-е годы в местности Чочума там был основан завод по ловле и

переработке рыбы. Здесь проживают несколько родов потомственных рыбаков, сохраняющих традиции предков. Карася здесь называют «золоточешуйчатым спасением», так как во время периодов голода и невзгод, особенно во время Великой Отечественной войны, население спасалось рыбой.

Наделение карася «золотым» цветом не причисляет его к персонажам, оказывающим благодеяния за услугу, подобно золотой рыбке из сказки А. С. Пушкина. Данный образ отсылает нас к ряду других зооморфных воплощений солярной идеи. Цвет солнца и золота занимает достойное место в духовной культуре якутов. Среди жителей упомянутых выше сел рыба голова служила индивидуальным тотемом. Ее вешали на деревянный столб или над дверью. Кроме того, в якутской культуре такая метка служила способом социального различения [27, с. 25]. В данном случае это определяло основное занятие рода или населения, также голова рыбы оберегала семью от нечистого духа.

Отмеченные выше коннотации позволяют говорить о глубокой укорененности образа рыбы в культуре саха. Наиболее яркое отражение в зооморфном пантеоне рассматриваемой культуры находят: щука как существо нижнего мира, связанное со смертью; ерш и окунь, которые выступают как духи-помощники; ерш, стерлядь, белорыбица, сиг как существа-земледержцы; карась как символ богатства и т. д.

Будучи значимым образом окружающего мира, рыба ярко презентуется в якутском языке, для которого характерна укорененность зооморфизмов. Признаки рыбы часто используются в качестве определения человеческого поведения. Молчаливого, заикающегося или скромного сравнивали с рыбой («балыктаагар кэлэгэй» — заикается хуже рыбы), хитрого, изворотливого — с осклизлой рыбой («салыннаах балык»). В отношении глупых людей употребляется фразеологический оборот: «в голове каша из гольянов» («мунду булумах»). Действия подхалима находят аллегорическое выражение в обороте «подобно тому, как налим имеет печень из жира» («сыалысар быарыгар диэри»). Данный оборот может говорить и о плохом человеке, обладающем каким-нибудь хорошим качеством [10, с. 171]. Якуты считали налима худой рыбой и в пищу употребляли только налимом печень. Также параллель с рыбным сюжетом производится при характеристике человеческого поведения: «рыба ищет, где глубже, человек — где лучше» («балык уу

диринин былджасар, киси кюн утётун батысар); «у рыбы бывает время метания икры, у человека — время красных дней» («балык ыамнаах, киси кэмнээх») — т. е. не сплошь бывают черные дни [10, с. 118]. О всей подноготной того или иного якута говорится «рыба знакомого мне озера» («билэр кёлум балыга»). В уменьшительном либо уничижительном контексте человека могут отождествлять с мальком рыбы («ыама» или «ыамай»). Лишенного зубов человека сравнивали с рыбой, называли «рыбий рот» («балык айах»).

Образ рыбы находит отражение и в повседневных, хозяйственных и бытовых ситуациях якутской культуры. У якутов существуют приметы, связывающие погодные условия с поведением рыб. Есть убеждение, что рыба начинает плыть перед наступлением холодов. Когда мороз ударял, предполагали: «вероятно, рыба поплыла» [22, с. 10]. Считали, что рыба подпрыгивает над водой — к дождю. Также к образу рыбы отсылают другие природные явления. Например, в якутской художественной литературе сумерки или туман сравниваются с ненаваристой ухой из гольянов. Кроме того, образ рыбы связан с северным сиянием. Когда небо полыхает сполохами северного сияния, якуты обычно говорят: «в необъятном озере-океане рыба играет-плещется», или просто говорили: «играет океанская рыба» [10, с. 11].

В современной якутской культуре образ рыбы фигурирует в разных сферах деятельности, отражая тесную связь культуры саха с природой. Традиционный рыбный промысел нашел отражение в празднике рыбы-строганины (отмечается ежегодно с 1999 года), который проводится в рамках всероссийского фестиваля «Зима начинается с Якутии». На этом празднике устраивается состязание команд, соревнующихся в том, кто быстрее настрогает рыбу. Главное условие состязания — качество нарезки рыбы и высота горки из строганины. Команды участников состоят из двух человек — мужчина строгает, женщина складывает на подносе. Наличие национального костюма и якутского ножа — обязательные требования к конкурсантам. Соревнование перетекает в гастрономический фестиваль, где можно отведать и купить белую рыбу.

Другим народным праздником, культивирующим образ рыбы, духа-хозяина озера, а также рыболовный промысел, является мунха. Зимняя подледная рыбалка неводом представляет собой органическое слияние в трудовой деятельности мифологических и социальных аспектов жизнеустройства якутов. Зимняя рыбалка —

многофункциональное действие, ставшее ярким «местом» исторической и культурной памяти народа. Если в старину на первый план выдвигалась культурно-религиозная магия данной практики, то в наше время зрелищно-массовая часть стала доминирующей. В каждом селе выходят на рыбалку всей семьей, чтобы запастись карасями на зиму. Неписанный закон мунхи — угощать уловом каждого жителя, особенно тех, кто не имеет возможности принимать в ней непосредственное участие. Как правило, зимнюю рыбалку ждут старики, вдовы, матери-одиночки и инвалиды.

Большое празднование мунха республиканского масштаба ежегодно проводится в Кобяйской улусе на озере Ниджили с 2004 года. Ниджили относится к числу особо охраняемых природных территорий и представляет собой благодатный культурный ландшафт с устойчивым бытом, где население добывает рыбу и кормится ею на протяжении всего года. Ниджилинский карась признан лучшим карасём Якутии и по праву считается достоянием этнической кухни. Кроме того, в дань уважения старинному промыслу и профессии рыбака администрацией муниципального образования «Кобяйский улус» был учрежден день рыбака, который проводится в улусе ежегодно в начале июля. Народное гуляние собирает в местности Чочума рыбаков со всей округи.

Рыба, будучи элементом хозяйственно-культурной жизни саха, стала символом в геральдической традиции Якутии. На лазоревом поле герба Жиганского улуса изображены взаимообращенные осётры как символ богатства р. Лены. Также осетр изображен на гербе Хоринского наслега (Олекминский улус); осетр ассоциируется с чистой водой и достатком. Герб Нерюнгринского района, содержащий образы пяти золотых хариусов, уложенных по ходу солнца над священными коновязями сэргэ, отражает социально-экономические особенности местности. Само название города Нерюнгри в переводе с эвенкийского означает «хариусная». Золотой карась в лазури на гербе Кобяйского улуса — символ богатства, он отражает рыболовный промысел населения. Флаг Абыйского улуса представлен лазоревым полем, означающим реку Индигирку, а по ней плывут три белые рыбы, ассоциирующиеся с обновлением природы.

Помимо геральдической сферы, образ рыбы занял прочное место и в якутской топонимической системе. В топонимах и гидронимах отражается культура народа. Сквозь призму названий местностей можно определить историческое прошлое предков, узнать

о границах их расселения, об их деятельности, ценностях и практиках. Например, в Усть-Алданском и Мегино-Кангаласском улусах есть села с названием Балыктах, что с якутского переводится как «рыбный». Названия многих местностей исходят от рыбных водоемов, которые играют важную хозяйственную роль в жизни якутов. Довольно редко встречаются топонимы, определяющиеся как «безрыбные». Такие местности существуют в Горном, Намском, Нюрбинском, Сунтарском и Таттинском улусах [21, с. 71]. Есть населенные пункты с прямым рыбным названием. Например: село Нычалах Аллаиховского улуса произошло от якутского названия рыбы сороги или красноперки «нъычаа» [28, ст. 1749]. Топоним села Таймылыр — эвенкийского национального наслега Булунского улуса — связан с выражением «место скопления рыб». Юкагирское селение Нелемное Верхнеколымского улуса образовано от названия рыбы нельмы, которая периодически ходит по реке Ясачная на нерест. Характерно, что происхождение некоторых топонимов, связанных с образом рыбы, в административных границах современной Якутии тесно связано с хозяйственной жизнью многих народов, проживающих на данной территории.

Образ рыбы обретает богатый визуальный смысл и в современной якутской живописи. Особенно в работах художника Андрея Чикачева, который передает через полотна мечты и счастливые моменты из жизни якута. Например, картина «Мечта» (1997 г.), где композиционный центр занимает мальчик с огромным карасем, а на заднем плане — седовласый дедушка с папиросой. На этой картине запечатлен миг счастья и детской радости. Мальчик всегда мечтал поймать огромную рыбу, и ему это удалось. Теперь и он может претендовать на почетное звание «рыбака», «кормильца» семьи. Скромно радующийся первому улову внука дед передал азы промысла потомку и доволен своим воспитанием. На другом полотне, «Верховный карась» (2017 г.), написан кобьяйский карась, на спине которого расположилась маленькая деревушка. На голове сидит рыбак с сачком и держит карася за поводок. Центральным элементом картины является карась, который может быть отсылкой к легенде о рыбе-земледержце. Второстепенное значение отводится рыбаку с сачком. Поводок, за который держится рыбак, может выглядеть как попытка руководить некоторыми закономерностями природы. Но в данной реальности человек выступает как часть ландшафта, часть мира, расположенного на спине Верховного карася. На картине «Золотых карасей дождь» (2012 г.) запечатлено дей-

ствии во время подледной рыбалки мунха: сотни карасей и рыбаки, радующиеся щедрому дару матушки-озера.

Рыба всегда интересовала и будоражила воображение якутов. Стихия, в которой она обитает, ее ловкость, изворотливость вызывали восторг и почитание. Якуты превратили рыбу в мифологического и фантастического персонажа, образ которого трансформировался и проник во многие сферы современной художественной культуры, средства массовой информации и стал неотъемлемой частью арктического туризма.

Так, «рыбную» тематику отражают музыкально-танцевальные тенденции современной якутской культуры. Например: танец, воспроизводящий миметические движения рыбы в исполнении танцевального коллектива «Сандал» Арктического государственного агротехнологического университета. Танец «Мунхасыттар» детского образцового хореографического ансамбля «Тэлээрис» из Кобяйского улуса исполнялся на многих мировых сценах. С 2016 года одним из популярных музыкальных коллективов среди молодежи является группа «Собо» (от якут. «карась»). Группа играет в жанре инди, поп, этно, панк. Участники «Собо» сочиняют музыку, пишут тексты на якутском языке, обращаются к творчеству якутских поэтов.

В 2016 году компания «Сахафильм» презентовала фильм «Соседи» («Ылаллылар»), где все действие картины разворачивается вокруг огромной сумки с рыбой. Деревенский парень по имени Тускул, приехав в город, ошибся номером квартиры многоэтажного дома, переночевал у соседей, а утром забрал с собой не ту сумку, что послужило началом череды событий. На афише новогодней комедии изображен один из «главных героев» — рыба чир, оставленная хозяином в забытой сумке.

Образ рыбы часто используется в дизайне продукции, например в продукции акционерного общества ФАПК «Якутия». Основным видом деятельности компании является изготовление алкогольных и безалкогольных напитков. Этикетки крепких напитков премиум класса «Подлёдка золотая» и «Северный улов», идеально подходящие к якутской строганине, содержат изображения осетра. Также примечательно, что крестьянский рынок «Сайсары» — крупнейший оптово-розничный торговый комплекс, ориентированный на реализацию продукции сельхозтоваропроизводителей Якутии, расположенный в г. Якутске, выбрал в качестве эмблемы изображенные рыбы.

Заключение. Данные образы находят свое отражение во многих гранях якутской культуры, развиваясь и усложняясь в семантическом плане. Якуты издревле считали, что помимо человека мир включает множества иных, устойчивых и прекрасных существ, стихий и персонажей. Зооморфные образы как часть картины мира якутов отражают не только внешние феномены, но и внутренний мир людей. Они иллюстрируют духовную и нравственную сущность человека, его эмоциональные, интеллектуальные действия и состояния, черты внешности и характера, его отношение к другим людям и окружающему миру в целом. Будучи значимым, образ рыбы нашел свое проявление и в современной культуре якутов.

Изучение семиозиса и смыслового спектра образа рыбы в культуре саха, включая современное состояние ее традициосферы, показывает, насколько важны устойчивые и системообразующие звенья культурного целого для продуктивного сохранения, трансляции и обновления его «генома» [4, с. 7]. В указанном аспекте отметим, что обновление является значимым и даже непременным условием сохранения и бытования традиций в современном мире — мире, в котором многие культурные смыслы и формы, порой минуя точку невозврата, пришли в движение. А культура ищет оптимальные пути самосохранения через развитие и адаптацию своих феноменов к постоянно меняющейся среде. В такой ситуации способность многих традиционных аспектов культуры преобразовываться с учетом новых форм реальности выступает как своеобразный гарант ее устойчивости и живучести.

Список источников

1. Махлина С. Т. Знаки, символы и коды культуры Востока и Запада. СПб.: Алатейя, 2018. 474 с.
2. Иванов В. И. Две стихии в современном символизме // От символизма до Октября. М.: Новая Москва, 1924. С. 57–75.
3. Мифы народов мира : энциклопедия / гл. ред. С.А. Токарев. М.: Советская энциклопедия, 1980. 1147 с.
4. Бондарев А. В. Отечественная культурогенетика: истоки, развитие и современное состояние // Культурогенез и культурное наследие / науч. ред. и сост. А. В. Бондарев. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2014. С. 7–28.
5. Пекарский Э. К. Словарь якутского языка. СПб.: Наука, 2008. Т. I. Вып. 1–4. 1280 ст.

6. Александров Н. С. Көр Буурай бухатыыр [Олонхо]. Дьокуускай: Бичик, 2000. 192 с.
7. Емельянов Н. В. Сюжеты якутских олонхо. М.: Наука, 1980. 376 с.
8. Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Якутский героический эпос «Кыыс Дэбилйэ» / сказитель Н. П. Бурнашов. Новосибирск: Наука, 1997. 326 с.
9. Ксенофонтов Г. В. Легенды и рассказы о шаманах // Приложение к «Очеркам изучения Якутского края». Иркутск: Изд-во якутской секции ВСОРГО, 1928. Вып. 2. 77 с.
10. Кулаковский А. Е. Научные труды / Сибирское отделение АН СССР, Якутский филиал института языка, литературы и истории. Якутск: Якутское кн. изд-во, 1979. 480 с.
11. Трощанский В. Ф. Эволюция черной веры (шаманства) у якутов. Казань: Типолиитография Императорского ун-та, 1902. 185 с.
12. Васильев В. Н. Изображения долгано-якутских духов как атрибуты шаманства. СПб.: Типография Министерства путей сообщения (Товарищества И.Н. Кушнеревъ и Ко), 1910. 20 с.
13. Пекарский Э. К. Словарь якутского языка. СПб.: Наука, 2008. Т. III. Вып. 10–14. 3868 ст.
14. Широкогоров С. М. Опыт исследования основ шаманства у тунгусов // Ученые записки историко-филологического факультета. Владивосток: Типография областной земской управы, 1919. Т. I. С. 47–108.
15. Попов А. А. Камлания шаманов: материалы по истории религии якутов бывшего Вилюйского округа. Новосибирск: Наука, 2008. 464 с.
16. Григорьев М. П., Павлов А. А. Алысардаах Аана. Дьокуускай: Айар, 2022. 240 с.
17. Махлина С. Т. Словарь по семиотике культуры. СПб.: Искусство — СПб, 2009. 750 с.
18. Гурвич И. С. Культура северных якутов-оленьеводов к вопросу о поздних этапах формирования якутского народа. М.: Наука, 1977. 244 с.
19. Алексеева А. В. Комплекс железных подвесок шаманских костюмов якутов и бурят // Глобальный научный потенциал. 2020. № 6 (111). С. 139–141.
20. Пекарский Э. К. Образцы народной литературы якутов. СПб.: Типография императорской академии наукъ Вас. Остр., 9 лин., № 12, 1910. Вып. IV. 400 с.
21. Багдарыын Сулбэ. Дойду сурахтаах, алаас ааттаах. Якутскай: Саха сиринээги кинигэ издательствовата, 1982. 232 с.
22. Пекарский Э. К., Попов Н. П. Среди якутов (случайные заметки). Иркутск: Издание Якутской секции ВСОРГО, 1928. 33 с.

23. Элиаде М. Тайные общества. Обряды инициации и посвящения. М.: Университетская книга, 1999. 356 с.

24. Емельянов Н. В. Сюжеты ранних типов якутского олонхо. М.: Наука, 1983. 244 с.

25. Нюргун Боотур Стремительный: Якутский героический эпос олонхо / воссозд. на основе народных сказаний П. А. Ойунский; пер. на рус. язык яз. В. Державин. Якутск: Якутское кн. изд-во, 1975. 438 с.

26. Захарова Л. В., Избекова Л. К. Кустук. Усус кылааска аагар кинигэ (1–4). Дьокуускай: Бичик, 2003. 284 с.

27. Леви-Стросс К. Тотемизм сегодня. Неприрученная мысль. М.: Академический проект, 2008. 520 с.

28. Пекарский Э. К. Словарь якутского языка. СПб.: Наука, 2008. Т. II. Вып. 5–9. 2508 ст.

References

1. Mahlina S. T. *Znaki, simvolj, i kody kul'tury Vostoka i Zapada* [Signs, symbols, and codes of the culture of the East and WestWes]. St.-Petersburg: Alatejya, 2018. 474 p. (In Russ.)

2. Ivanov V. I. Two elements in modern symbolism. *Ot simvolizma do oktyabrya* [From symbolism to October]. Moskvacow: Novaya Moscow, 1924. Pp. 57–75. (In Russ.)

3. *Mify narodov mira. Enciklopediya* [Myths of the peoples of the world] / Ed. S. A. Tokarev. Moscow: Sovetskaya enciklopediya, 1980. 1147 p. (In Russ.)

4. Bondarev A. V. Russian cultural genetics: origins, development and current state. *Kul'turogenез i kul'turnoe nasledie* [Culturogenesis and cultural heritage]. Ed. and comp. A. V. Bondarev. Moscow; St.- Petersburg: Centr gumanitarnyh iniciativ, 2014. Pp. 7–28. (In Russ.)

5. Pekarskij E. K. *Slovar' yakutskogo yazyka* [Dictionary of the Yakut language]. Vol. I. Issue. 1–4. St.-Petersburg: Nauka, 2008. 1280 st. (In Russ.)

6. Aleksandrov N. S. *Ker Buuraj buhatyyr* [Olonho]. D'okuuskaj: Bichik, 2000. 192 p. (In Yakut.)

7. Emel'yanov N. V. *Syuzhety yakutskih olonho* [Stories of Yakut olonkhos]. Moscow: Nauka, 1980. 376 p. (In Russ.)

8. *Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka. Yakutskij gerоicheskiy epos «Kyys Debiliye»* [Monuments of folklore of the peoples of Siberia and the Far East. The Yakut heroic epic "Kyys Debiliye"]. Novosibirsk: VO Nauka, 1997. 326 p. (In Russ.)

9. Ksenofontov G. V. Legends and stories about shamans. *Prilozhenie k «Ocherkam izucheniya Yakutskogo kraya»* [Appendix to the "Essays on the

study of the Yakut region"]. Irkutsk: Izdatel'stvo yakutskoj sekcii VSORGO, 1928. Issue 2. 77 p. (In Russ.)

10. Kulakovskij A. E. *Nauchnye trudy* [Scientific works]. AN SSSR Sibirskoe otdelenie, yakutskij filial instituta yazyka, literatury i istorii. Yakutsk: Yakutskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1979. 480 p. (In Russ.)

11. Troshchanskij V. F. *Evoljuciya chernoj very (shamanstva) u yakutov* [The evolution of the black faith (shamanism) among the Yakuts]. Kazan': Tipolitografiya Imperatorskogo Universiteta, 1902. 185 p. (In Russ.)

12. Vasil'ev V. N. *Izobrazheniya dolgano-yakutskih duhov kak atributy shamanstva* [Images of Dolgan-Yakut spirits as attributes of shamanism]. St. Petersburg: Tipografiya Ministerstva putej soobshcheniya (Tovarishchestva I.N. Kushnerev" i Ko), 1910. 20 p. (In Russ.)

13. Pekarskij E. K. *Slovar' yakutskogo yazyka* [Dictionary of the Yakut language]. St. Petersburg: Nauka, 2008. Vol. III. Issue. 10–14. 3868 st. (In Russ.)

14. Shirokogorov S. M. The experience of researching the basics of shamanism among the Tungus. *Uchenye zapiski istoriko-filologicheskogo fakul'teta* [Scientific notes of the Faculty of History and Philology]. Vladivostok: Tipografiya Oblastnoj Zemskoj Upravy, 1919. Vol. I. Pp. 47–108. (In Russ.)

15. Popov A. A. Kamlaniya shamanov. *Materialy po istorii religii yakutov byvshego Vilyujskogo okruga* [Shaman worship. Materials on the history of the religion of the Yakuts of the former Vilyui district]. Novosibirsk: Nauka, 2008. 464 p. (In Russ.)

16. Grigor'ev M. P., Pavlov A. A. *Alysardaah Aana* [Alysardaah Aana.] D'okuuskaj: Ajar, 2022. 240 p. (In Yakut.)

17. Mahlina S. T. *Slovar' po semiotike kul'tury* [Dictionary of Cultural Semiotics]. St. Petersburg: Iskusstvo-SPB, 2009. 750 p. (In Russ.)

18. Gurvich I. S. *Kul'tura severnyh yakutov-olenevodov k voprosu o pozdnh etapah formirovaniya yakutskogo naroda* [The culture of the Northern Yakut reindeer herders on the question of the late stages of the formation of the Yakut people]. Moscow: Nauka, 1977. 244 p. (In Russ.)

19. Alekseeva A. V. A complex of iron pendants of shamanic costumes of Yakuts and Buryats. *Global'nyj nauchnyj potencial* [Global scientific potential], 2020, no 6 (111), pp. 139–141. (In Russ.)

20. Pekarskij E. K. *Obrazcy narodnoj literatury yakutov* [Samples of Yakut folk literature]. St. Petersburg: Tipografiya imperatorskoj akademii nauk" Vas. Ostr., 9 lin., № 12, 1910. Issue IV. 400 p. (In Russ.)

21. Bagdaryyn Sulbe. *Dojdu surahtaah, alaas aattaah* [Dojdu surahtaah, alaas attaah]. Yakutskaj: Saha sirineegi kinige izdatel'stovata, 1982. 232 p. (In Yakut.)

22. Pekarskij E. K., Popov N. P. *Sredi yakutov (sluchajnye zametki)* [Among the Yakuts (random notes)]. Irkutsk: Izdanie Yakutskoj Sekcii VSORGO, 1928. 33 p. (In Russ.)

23. Eliade M. *Tajnye obshchestva. Obryady iniciacii i posvyashcheniya* [Secret societies. Initiation and initiation rites]. Moscow: Universitetskaya kniga, 1999. 356 sp. (In Russ.)

24. Emel'yanov N. V. *Syuzhety rannih tipov yakutskogo olonho* [The plots of the early types of Yakut olonkho]. Moscow: Nauka, 1983. 244 p. (In Russ.)

25. *Nyurgun Bootur the Impetuous: the Yakut heroic epic. Nyurgun Bootur Stremitel'nyj: Yakutskij geroicheskij epos olonho* [Nyurgun Bootur the Impetuous: the Yakut heroic epic] / Vossozhdal na osnove narodnyh skazanij P.A. Ojunkskij; perevel na russkij yazyk V. Derzhavin. Yakutsk: Yakutskoe kn. izdatel'stvo, 1975. 438 p. (In Russ.)

26. Zaharova L. V., Izbekova L. K. Kustuk. *Usus kylaaska aagar kinige (1-4)* [Intestinal classical agar king (1-4)]. D'okuuskaj: Bichik, 2003. 284 p. (In Yakut.)

27. Levi-Stross K. *Totemizm segodnya. Nepriruchennaya mysl'* [Totemism today. An untamed thought]. Moscow: Akademicheskij proekt, 2008. 520 p. (In Russ.)

28. Pekarskij E. K. *Slovar' yakutskogo yazyka* [Dictionary of the Yakut language]. St. Petersburg: Nauka, 2008. Vol. II. Issue 5–9. 2508 st. (In Russ.)

Сведения об авторе

Суздалова Ульяна Петровна, аспирант-соискатель, Санкт-Петербургский государственный институт культуры, хранитель экспозиций Музея Анны Ахматовой в Фонтанном Доме (191186, Россия, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., д. 2)

Information about the author

Ulyana P. Suzdalova, Postgraduate Candidate of the St. Petersburg State Institute of Culture, Curator of the expositions of the Anna Akhmatova Museum in the Fountain House (2, Dvortsovaya emb. St. Petersburg, 191186, Russia)

Статья поступила в редакцию / The article was submitted	12.01.2024
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing	02.03. 2024
Принята к публикации / Accepted for publication	21.04.2024